

А.В. Карташев, И.А. Стратонов

Русская церковная смута 1921 – 1931 гг.

АНТОН Карташев

**Русская церковная
смута 1921-1931 гг.**

Православное издательство "Сатисъ"

1900? 1932

Карташев А. В.

Русская церковная смута 1921-1931 гг. / А. В. Карташев —
Православное издательство "Сатись", 1900? 1932

ISBN 5-7373-0094-3

По благословию Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского
ВЛАДИМИРА В книге рассказывается о сложном периоде в жизни
Русской Православной Церкви, отмеченным появлением обновленчества и
«живоцерковничества», разрушающими единство тела церкви внутри страны
(СССР) и «карловацким» расколом, приведшим к образованию РПЦЗ.

ISBN 5-7373-0094-3

© Карташев А. В., 1900? 1932

© Православное издательство
"Сатись", 1900? 1932

Содержание

А.В. Карташев	6
И.А. Стратонов	18
I. Исходный момент церковной смуты (1921 г.)	19
Конец ознакомительного фрагмента.	32

А.В. Карташев, И.А. Стратонов Русская церковная смута 1921–1931 гг.

© Издательство «Сатисъ», оригинал-макет, оформление, 2006

* * *

Сщмч. Тихон, Патриарх Московский и всея Руси

А.В. Карташев Временное Правительство и Русская Церковь

I.

Эпоха Временного правительства России 1917 г. была только прологом ко всем ужасам большевизма, терзающим Россию вот уже второе десятилетие. Поэтому очень многие русские рассматривают эти быстро промелькнувшие 8 месяцев первого революционного правительства исключительно в мрачном свете и не хотят признать в них ничего положительного, ничего светлого. Величайшие страдания Родины от революции и острые личные страдания лишают людей всякого беспристрастия. А между тем нечто положительное и светлое в деяниях Временного правительства должно быть признано и, конечно, будет признано спокойным и объективным судом истории. И это положительное относится по преимуществу к судьбе Русской Церкви.

Все другие деяния Временного правительства погибли и рассеялись как дым. И только **одно его дело: внутреннего освобождения церкви, даже под внешним порабощением большевиков, устояло. Под эгидой Временного правительства и с его помощью Русская Православная Церковь вернула** себе присущее ей по природе право самоуправления по ее каноническим нормам. Государственное Учредительное собрание не удалось и было разогнано большевиками. А Церковное Учредительное Собрание (т. е. первый поместный Собор), благодаря сочувствию Временного Правительства, успело собраться и сделать свое главное дело: **восстановить канонический строй церковного самоуправления с патриархом во главе.** Для всякого учреждения существенно важен его правомерный строй. В правомерности его формальное здоровье, обеспечивающее правильность его функций. Для церкви ее канонический строй есть сугубая ценность. Он не только гарантирует ее внешнюю и внутреннюю свободу, но и силу ее мистических действий. Нарушение канонического строя причиняет глубокие страдания совести членов церкви, ибо порождает сомнения, подлинна ли, истинна

ли, спасительна ли в мистическом смысле та видимая церковь, к которой принадлежат данные, может быть самые религиозно добросовестные лица. Этим страданий не поймут люди внецерковные. Они понятны лишь изнутри церкви.

Но канонический строй свободного, соборного самоуправления, в данную историческую минуту, для Русской Церкви имел и **чрезвычайное утилитарное значение**. Он ее спас, насколько это возможно было среди наступившей катастрофы, от грозившего ей глубокого и внешнего и внутреннего распада. Если бы не новая конституция церкви, данная ей собором 1917 г., т. е. создание заново до тех пор не существовавшей основной единицы самоуправляющегося церковного прихода, затем образования выборных органов епархиального управления, выборного епископата, таких же высших органов управления, возглавляемых соборно избранным пожизненным патриархом под контролем периодически собираемого собора, – если бы не все это – то гонение, воздвигнутое на церковь коммунизмом, кроме тех внешних потрясений, которые отсюда произошли, грозило бы и внутренне свести ее почти на нет как организацию. Вся предшествующая история русской церкви, как церкви национально-государственной и особенно ее синодального периода, делала ее организационно беззащитной в борьбе за свое существование. Бюрократический строй Духовного Регламента Петра Великого отрывал иерархию от народа и народ от дел церкви. Распыленный и формально бесправный в церковной организации народ (в параллель со своим политическим бесправием при самодержавном строе) был совершенно не подготовлен к организационной борьбе за церковь. Еще более, чем народ, была к этому не подготовлена и даже совершенно беспомощна небольшая группа иерархов в 100–150 человек, всецело зависевшая от назначившей ее государственной власти и потерявшая вместе с падением этой власти всякую опору¹.

Данные собором 1917 года формы приходской организации и выборности духовенства и епископата в другое спокойное время могли бы, может быть, и не войти так глубоко в жизнь, как это случилось в настоящее героическое время в России. Приходы, например, почти чудесно разрешили ту материальную задачу, перед которой русское правительство два столетия стояло, как перед неразрешимой проблемой. Под бичами и скорпионами большевизма новорожденные приходы, в голодающей и нищей стране, после ограбления всех церковных ценностей, сумели обеспечить культовую жизнь церкви и дать содержание духовенству. Коммунистические законы воспретили нормальное функционирование центральных и епархиальных органов управления, обезглавили церковь, не говоря уже об арестах и ссылках иерархии и всяческом поддержании конкурирующих раскольнических формаций (живая церковь). Несмотря на это, молекулярная интенсивная жизнь церкви бьет живым ключом в скромных приходских ячейках.

Конечно, внутренняя духовная живучесть Русской Церкви, проявленный ею бесспорный героизм мученичества и исповедничества не могли быть даны ей никакой внешней силой и никакими внешними формами со стороны. Как не мог отнять и окончательно угасить этих внутренних духовных возможностей и стеснявший ее свободу старый синодальный строй. Тут проявилась неумирающая сила Христовой веры вообще во все времена и у всех народов, в частности и у религиозно-одаренного русского народа. Но историк обязан с благодарностью признать и учесть, что реформа церкви 1917 г., ничего не прибавляя к внутренним благодат-

¹ Эмпирической проверкой вредности для жизни церкви старого синодско-консисторского строя является опыт частей русской церкви, оставшихся за пределами Советской России. Разумею положение православных церквей в новых лимитрофных государствах. Там, где православная церковь (собственно, ее иерархия) сумела перейти к новому, соборному самоуправлению, там она пропорционально сохранила и свою свободу и полноту своей жизни. Более – в Эстонии и Латвии, менее – в Финляндии. Там же, где, как, например, в Польше, православная церковь, благодаря близорукости русских иерархов, воспитанных в понятиях обер-прокурорского строя, наивно потянулась к потерянному в России и сомнительным благам государственного протектората, там православие оказалось внешне обессиленным и по существу гонимым.

ным силам Русской Церкви, дала ей, несомненно, великую помощь и внешнее подкрепление в ее теперешнем тяжелом положении.

Велико значение, помимо всяких утилитарных соображений, устройства церкви на правильных канонических началах, даже если внешнее большевистское насилие и не позволяет их вполне воплотить в конкретных открытых формах. **Великую невесомую ценность** для Русской Церкви в ее нынешнем героическом подвиге составляет ее внутреннее сознание своей **канонической непорочности** и, наоборот, порочности и греховности всех тех единиц, групп и целых частей Русской Церкви, которые, самочинно и незаконно, не по установленным канонами правилам, отпадали от ее законной центральной власти. Даже не имея во главе своего патриарха, из-за внешнего препятствия со стороны коммунистической власти, Русская Православная Церковь имеет его в своем сердце и в своем добром намерении избрать и вместе с тем развернуть всю полноту своей канонической организованности в первую же минуту внешнего освобождения. Если можно так выразиться, с момента своего восстановления на соборе 1917 года Русская Церковь **полна внутреннего духовного здоровья, полна чувством своей канонической праведности** и святости. Это сознание воодушевляет ее и заставляет забыть обо всех внешних привилегиях прошлого синодального периода, когда лучшие русские иерархи и высоко культурные члены церкви непрестанно вздыхали в тяжких объятиях государственного плена и чувствовали себя очень смущенными под ударами злой критики римско-католиков, упрекавших их в предательстве свободы церкви. Равным образом Русская Церковь, отныне безупречная с точки зрения канонических норм, чувствует себя морально сильной и в неразрешенном еще каноническом вопросе о закономерности процесса отделения от нее ее бывших частей. Как Церковь-мать, она имеет бесспорное право произнести окончательный, ей по канонам принадлежащий суд над этими отделениями и дать всем неправильностям в нужных случаях любовную амнистию. Прежняя, неправильно устроенная и несвободная, Русская Церковь старого режима этого суда морально не в силах была бы произнести.

Есть ли, однако, во всех этих благих последствиях для церкви какая-нибудь действительная **заслуга** Временного правительства, прямая или косвенная? **Несомненно, есть.** Ломка старого церковно-правительственного строя и замена его новым, если бы она совершилась даже и вне политической катастрофы, все равно должна была бы причинить немало боли иерархическим лицам, занимавшим привилегированные посты в прежнем административном аппарате Церкви. К этому при революции присоединился еще взрыв веками накопленного недовольства низших клириков против высших. Все эти неприятные переживания некоторых элементов Церкви проистекали из переворота, как такового, а не из программы, намерений и воли Временного правительства.

Программа Временного правительства в отношении Церкви была и не могла не быть отражением широких либеральных течений **общественного мнения**, ибо этими средними элементами Государственной Думы и было выдвинуто это правительство. В ней не было ничего нового и радикального. От повторений в течение двух-трех предыдущих десятилетий эта программа стала прямо шаблонной и общеизвестной. А именно: а) свобода религиозной совести для всех исповеданий (с включением и свободы пропаганды), б) свобода соборного самоуправления для Православной Церкви, в) упразднение государственной опеки обер-прокурора над Церковью, но, конечно, упразднение и некоторых привилегий Православия в смысле его полицейской защиты от сторонней пропаганды. **Эти идеи** и положения были давно уже сформулированы **самими церковными кругами**, даже высшими правящими кругами, например митрополитом СПб Антонием в начале 1905 г. и **даже самим св. Синодом** (вопреки желанию обер-прокурора Победоносцева), когда, под давлением первой революции, Государь Николай II соглашался было немедленно собрать собор.

Если бы Великий князь Михаил Александрович не совершил 3 марта 1917 г. акта отречения от трона, то и данная церковная программа осуществлена была бы и передана с печатью

царского авторитета на утверждение Учредительного Собрания. Но царская власть сама ушла с горизонта политической борьбы. Исчезла та форма государственной власти, которую Русская Церковь, согласно своим византийским традициям, помазывала св. миром при короновании и допускала в качестве уже не светской, а освященной Церковью силы, к соучастию во внутреннем управлении церковными делами совместно с иерархией. Новое революционное правительство, не миропомазанное Церковью (т. е. уже не «Милостию Божиею», а «волею народа»), не могло и не должно было оставаться в прежних конфессионально тесных отношениях к Православной Церкви. Оно обязано было мыслить себя как власть **только светскую**, принципиально **вневероисповедную**. И лишь как правительство русское, национальное, оно должно было отнестись к Православной Церкви, как к **исторически первенствующей** среди других исповеданий в русском государстве. Иная правовая точка зрения ему просто не приличествовала. Так себя Временное Правительство сознавало и так себя и вело.

II.

Достаточно ли сознательно и тактически твердо вело свою линию Временное Правительство? Приходится признать, что нет, особенно вначале. Революции не делаются по плану. Застигнутые революцией врасплох члены думских партийных фракций выдвинули в правительство своих наиболее представительных политически или наиболее активных по специальностям членов. Председателем думской комиссии по церковным делам в то время состоял член партии октябристов В.Н. Львов. Он, как «церковник», почти автоматически и взят был в правительство для управления делами Православной Церкви по программе вышеуказанной и общеизвестной. Человек хотя и бурного темперамента, В.Н. Львов все-таки консервативно смотрел на формы своей деятельности. Принадлежа к помещичьему классу, он имел основания издавна мечтать сделаться обер-прокурором Св. Синода. Когда эта мечта внезапно осуществилась, В.Н. Львов не имел достаточно политического воображения и политического радикализма, чтобы расстаться с возжеланным титулом обер-прокурора и его подавляющей властью над архиереями. А расстаться с этим титулом и с этой властью было нужно. Сохранение этого титула и его полномочий было **недосмотром и тактической ошибкой Временного правительства**. Ненавистная и прежде фигура обер-прокурора потому только и принималась иерархами и церковным мнением, что она была личным органом царской власти, самой же церковью миропомазанной и признанной к церковным делам. Обер-прокурор, назначающий и изгоняющий епископов и самый Св. Синод в качестве органа светского, внеконфессионального правительства – это *ponsens* и каноническая обида для Церкви. И этот *ponsens* был допущен. Лично В.Н. Львов к этому еще прибавил остроту своей вражды к епископам – друзьям Распутина. Он их с шумом арестовал и изгонял, задевая тем больно самолюбие епископата и прежнего, еще царского, состава Св. Синода, с которым он бесплодно проработал полтора месяца, до половины апреля, находясь в самых натянутых отношениях, после чего все-таки вынужден был его распустить и пригласить новый состав Св. Синода.

Когда в конце марта В.Н. Львов пригласил в качестве товарища обер-прокурора пишущего эти строки на основании моей либеральной репутации, как председателя СПб религиозно-философского общества и публициста по церковным вопросам, я начал развивать перед ним свой тактический план, который сводился к следующему.

С момента отречения Императора и упразднения императорской власти, в России принципиально упразднились и все основные законы и все учреждения, созданные волеизъявлением исчезнувшей верховной власти. Вся верховная конститутивная власть на время до Учредительного Собрания перешла к Временному Правительству, которое своими декретами вынуждено неограниченно творить законы, учреждения и акты управления. Все старые законы и учреждения существуют лишь по инерции, до момента, пока Временное Правительство

не объявит их замененными новыми. В прямых интересах новой власти, ради ее престижа и популярности, декларировать исполнение издавна сформулированных общественным мнением политических и культурных стремлений различных классов населения. И она декларировала и в общей форме и по конкретным поводам все демократические свободы: веры, слова, печати, собраний, союзов. Декларировала полную государственную независимость Польши, восстановление конституции Финляндии, автокефалии грузинской Церкви. Недоставало аналогичной торжественной декларации в отношении Православной Церкви. Из заявлений обер-прокурора все знали, что Церковь отныне призвана готовиться к собору и свободному каноническому самоопределению. Но нужно было бы в первые дни переворота и именно торжественно и *expressis verbis* декларировать то, что само собою разумелось, но большинством не сознавалось, т. е. что вместе с самодержавной властью пал и созданный ею Духовный Регламент Петра I – этот символ порабощения Церкви государством, – а за ним **еще более тяжелый символ того же порабощения – синодская обер-прокуратура**. Это прозвучало бы для Русской Церкви пасхальным благовестом и сердца многих приверженцев старины привлекло бы на сторону нового грядущего порядка. Это было бы обязательно убедительным доказательством благожелательности к Церкви новой власти, что было неясно для масс. И во имя этой ясно засвидетельствованной благожелательности и иерархии и ревнители старого положения Церкви легче бы перенесли ту «каноническую обиду», которую они чувствовали от присутствия в церковных делах властной руки нецерковного Правительства. Между тем не присутствовать здесь рука новой власти не могла. Революция потому и есть революция, что по чьей-то вине потеряна возможность эволюционного перехода от старого к новому и созданся неизбежный **прерыв легальности**. В доброй воле людей лишь **смягчить его**. Светская **«немиропомазанная»** власть не имела морального права сразу бросить Церковь и уйти из нее из того положения, в котором с некоторым каноническим правом находилась власть царская. Во имя помощи и облегчения самой Церкви в переходе ее от подневольно-государственного положения к свободному выборному строю Временному Правительству нужно было как бы «нелегально» остаться на время внутри церковно-правлящего аппарата и продлением по существу прежних обер-прокурорских полномочий акушерски помочь рождению соборной реформы Церкви. Ибо только такой «хирургией» можно было ускорить ликвидацию тяжелого наследия старого строя. Этим наследием было умонастроение епископов-ставленников обер-прокурорской власти, в большинстве враждебных соборности и неспособных к ней. А потому необходимо было, вслед за декларированием конца синодального и обер-прокурорского строя, тотчас же назвать представителя Государства в Церкви новым именем «Высокого комиссара по делам Православной Церкви» или «Министра Исповеданий». Новый министр должен был бы по телеграфу объявить, что созданное не Церковью, а павшей государственной властью церковное правительство, перестало существовать, и на его место самой Церковью, через собор, должно быть создано чисто церковное правительство. Пока же для подготовки к собору должен быть создан голосами одних епископов «Временный Священный (не Святейший – это титул патриарший) Синод», в параллель «Временному правительству». Епископы должны были телеграфно указать семь имен из черного и белого духовенства в члены Временного Синода. Срочный ответ исключил бы возможность саботажа или срыва, и, на основании хотя бы половины полученных ответов, церковный министр мог бы подобрать и вызвать для заседаний, вместо распущенного старого, новый временный орган управления. Так была бы **смягчена неизбежная доля нелегальности** в акте Временного правительства и устранена «каноническая обида» иерархии, в значительной мере лицемерно-искусственная или наивная, ибо распущаемый Св. Синод был не церковным учреждением. Государственная власть создала его; она же имела право и упразднить его. И это уже вина самой иерархии, что она беззаботно поверила в вечность назначившей ее государственной власти, и не подготовила никакой чисто церковной базы для своего правящего органа. Этим бездействием она **вынудила** новую светскую власть к

некоторым необходимым действиям во внутреннем ходе церковных дел. Все это не было сделано в первые, самые благоприятные для нового творчества, дни переворота. Но еще не поздно было это сделать и месяц и два спустя.

В.Н. Львов, не входя в интерес и во вкус моих мыслей, но и не отрицая их, порекомендовал мне убедить в этом главу Временного Правительства, князя Г.Е. Львова и его помощников по министерству внутренних дел. Но ни князь Львов, ни его товарищи Д.М. Щепкин и Г.А. Алексеев, подавленные до утомления тревогами их бурного министерства, не вняли моим советам. Кн. Львов откровенно признался, что он боится в этой области всякого нового творчества, чтобы не увеличить и без того распускаемых врагами клевет, будто Временное правительство «насилует Церковь». Я подал все-таки об этом письменный меморандум; может быть, он и сохранился где-нибудь в архивах эпохи Временного правительства. От этой инертности положение Временного правительства перед Церковью, однако, не улучшилось, а ухудшилось. Старый Синод под председательством консервативного митрополита Киевского Владимира не хотел работать вместе с обер-прокурором Львовым по подготовке и ускорению Собора и срывал все его предложения. Между тем широкое церковно-общественное движение шло навстречу планам обер-прокурора и подозревало в данном составе старого Синода негласный орган старорежимной иерархии, враждебной собору. Учитывая все это, В.Н. Львов решил, наконец, в начале апреля с запозданием сделать то, что следовало сделать в первую же горячую минуту. Он распустил прежний состав Синода и вызвал новый, из епископов и протоиереев, готовый работать на ускорение и созыв собора из всех элементов Церкви, включая и мирян. Председательство в новом составе принадлежало экзарху Грузии Платону, ныне митрополиту русских церквей в Северной Америке. Новый Синод по-прежнему носил название Святейшего, по-прежнему молчаливо признавался как бы действительным Духовный Регламент и по-прежнему эти перемены были произведены в рамках прежних полномочий царского обер-прокурора. Но без царской власти все эти акты носили острый привкус «нелегальности», которую не сумел свести до минимума консерватизм обер-прокурора В.Н. Львова и Председателя Временного правительства кн. Г.Е. Львова. Старо-монархические и обиженные в иерархии элементы за это громко, хотя и неубедительно, провозглашали В.Н. Львова «гонителем Церкви». Фальшь и политическая психология этих обвинителей отчасти изобличалась непрерывной волной съездов духовенства и мирян по всем епархиям, урегулированных новым Синодом в правильные епархиальные съезды. На них раздавались единодушные приветствия программе революционного обер-прокурора, и именно в нем видело церковное общество защитника собора и обновления строя церковного, а не в своих иерархах. Многие из епархиальных епископов были дезавуированы своими съездами, и новому Синоду пришлось признать необходимым или переводить их, или совсем убирать с кафедр. Новые кафедры объявлены по правилам, декретированным новым Синодом, подлежащими замещению по выборам голосами клира и мирян. Так, в новом выборном порядке возведены были в июне 1917 г. на кафедры Петербургскую и Московскую новые митрополиты-избранники: незабвенный священномученик Вениамин (расстрелян 12 августа 1922 г.) и незабвенный исповедник Тихон, вскоре первый патриарх Всероссийский.

С первых же дней новому Синоду В.Н. Львовым предложено было в помощь по подготовке собора совещание из компетентных и просвещенных сил Церкви по подобию уже двух созывавшихся в 1906–1912 гг. «Предсоборного Присутствия» и «Предсоборного Совещания». Теперь оно названо, по моему предложению, «Предсоборным Советом». В его состав вошел цвет богословской образованности в рясах и без ряс, упорно работавший два месяца, иногда под грохот пулеметов на революционных улицах Петербурга, для подготовки собора.

В виде некоторой как бы репетиции собора, в начале июня в Москве отшумел очень многолюдный «Всероссийский съезд духовенства и мирян». На нем было до 1200 делегатов-добровольцев, желавших манифестировать в пользу готовящейся под покровительством Временного

Правительства освободительной реформы Церкви и осуждавших неподвижность иерархов старого закала.

Но в эту гармонию церковного мнения и программы Временного Правительства врывались и диссонансы. Так, в июне 1917 г. Временное Правительство передало в ведение министерства народного просвещения все школы, содержимые на государственные средства, в том числе и школы церковно-приходские. Это было встречено и в либеральных церковных кругах всеобщим неодобрением и огорчением. Даже новый Синод хлопотал о сохранении церковно-приходских школ или, по крайней мере, их зданий в ведении Церкви. Но Правительство в этом вопросе не могло поступить иначе. Это был один из вопросов, безвозвратно решенных русским общественным мнением. Школы эти созданы были не в чисто церковных, а в политических целях, и не Церковью, а государством, и не на церковные, а на государственные ассигнования. Правда, со временем и духовенство, неохотно встретившее это правительственное начинание, постепенно начало привязываться к нему и затрачивать на школы часть церковных средств. Но светское внеконфессиональное правительство не могло впредь ассигновать очень крупных сумм на эти школы, предоставляя Церкви свободу создавать заново свои чисто церковные, без политических целей. Правительство в этом вопросе не уступило и несколько позднее, когда явилась к нему делегация самого открывшегося в августе собора, квалифицируя весь этот вопрос как чисто политический и только по недоразумению воспринимаемый духовенством как вопрос будто бы религиозный.

III.

Отказ в ассигнованиях на приходские школы старого типа был только частичным осуществлением принципа новых отношений светского вневероисповедного правительства и Церкви. Новая власть через свою обер-прокуратуру предупреждала церковное общество, что впредь **отношения государства к православной церкви и другим исповеданиям** будут строиться под руководством начала отделения церкви и государства, хотя бы и не в его чистой абстрактной форме. Ежегодные ассигнования в смету св. Синода из государственного казначейства в количестве 55 миллионов рублей (половина бюджета церковного ведомства) должны почитаться временными. Церкви выгоднее для защиты своих позиций и независимости в Учредительном Собрании теперь же, с момента Собора, переходить на собственные средства. Поэтому все издержки по собору были спроектированы новым синодом всецело из сумм синодальной казны. В дополнение к этому Временное правительство выдало на организацию собора лишь скромную сумму в один миллион рублей в том же порядке, как оно выдавало пособия и на другие съезды, например на съезд учителей.

Новая система отношений Церкви к Государству и общественному мнению и подавляющему большинству деятелей Предсоборного Совета мыслилась **давно желанным освобождением церкви** от унижительной и дух убивающей синодско-консисторской формы зависимости от светской власти. Но радикальное проведение отделения церкви от государства также мыслилось с церковной стороны неприменимым к России, несоответствующим исторической роли православия и вредным для общественной морали. Комиссия Предсоборного Совета, обсуждавшая этот коренной вопрос, состояла из выдающихся русских канонистов (теоретиков и практиков) и профессоров государственного права. Некоторые из них принадлежали к партии конституционно-демократической, и большинство ей сочувствовало. Неудивительно поэтому, что и в программу этой культурнейшей партии, пересмотренную на партийном съезде в Москве (июль 1917 г.), были внесены вновь разработанные пункты о взаимоотношениях церкви и государства, по существу и даже по букве совпадавшие с тем, что сформулировано было и на Предсоборном Совете в С.-Петербурге. Проф. С.А. Котляревский, член партии к.-д., работал над вопросом в Предсоборном Совете и сообщал о результатах сочлену по партии

проф. П.И. Новгородцеву, человеку церковно-настроенному, работавшему на съезде в Москве. П.И. Новгородцеву, с его авторитетом, и принадлежит создание этого совпадения либеральной политической мысли с законопроектом церковных кругов.

Вот проект основных положений по данному вопросу, принятый Предсоборным Советом 13 июля 1917 г. Он еще должен был поступить на рассмотрение Собора и уже в исправленном виде быть внесенным в Учредительное Собрание.

«В русском государстве Православная Церковь должна занимать первое, среди других религиозных вероисповеданий, наиболее благоприятствуемое в государстве, публично-правовое положение, приличествующее ей, как величайшей народной святыне, исключительной исторической и культурной ценности, а также религии большинства населения. В соответствии с признанной в новом государственном строе России свободе религиозной совести и вероисповеданий, Православная Церковь должна обладать этой свободой во всей ее полноте. Эти основные начала должны быть выражены в следующих положениях: 1) Православная церковь в России в делах своего устройства, законодательства, управления, суда, учения веры и нравственности, богослужения, внутренней церковной дисциплины и внешних сношений с другими церквями независима от государственной власти (автономна). 2) Постановления, издаваемые для себя Православной Церковью в установленном ею самом порядке, со стороны государства признаются нормами права, имеющими со времени опубликования их церковной властью обязательное значение для всех лиц и установлений, принадлежащих к Православной Российской Церкви, находящихся как в России, так и за границей. 3) Действия органов Православной Церкви подлежат надзору государства исключительно в отношении их соответствия законам государства; причем эти органы ответственны перед государством только в судебном порядке... 10) Дванадцатые праздники, воскресные и особо чтимые Православной Церковью дни признаются государственной властью непричастными днями. 11) Глава русского государства и министр исповеданий должны быть православными. 12) Во всех случаях государственной жизни, в которых государство обращается к религии, преимущественно пользуется Православная Церковь... 17) Православная Церковь получает из средств государственного казначейства ежегодные ассигнования в пределах ее действительных потребностей, под условием отчетности в полученных суммах на общем основании».

Это, конечно, не система «отделения» церкви от государства, а лишь система «отдаления» двух сторон друг от друга на такое расстояние, которое давало бы и Церкви свободу и Государству позволяло быть светским, а не односторонне конфессиональным. Разумеется, этот проект мог еще несколько «клерикализироваться» на Соборе и значительно «секуляризироваться» в Учредительном Собрании, но в основе своих идей он все же оставался бы **системой взаимной независимости соборной Церкви и правового Государства при их моральном культурном сотрудничестве**. Система, о которой ранее не думало русское освободительное и революционное движение, устами и либералов и социалистов провозглашавшее голый лозунг «отделения Церкви и Гоударства», без попытки его раскрытия.

Этот идеал не был односторонним мечтательством церковно-общественной среды. Ему **навстречу** шло и текущее **законодательство** других полномочных органов **Временного правительства**, проводивших в жизнь **ту же идеологию**. И это понятно даже с точки зрения личных влияний. Во главе Департамента духовных дел инославных исповеданий в министерстве внутренних дел стоял член Предсоборного совета проф. С.А. Котляревский. Под его руководством здесь шло реформирование всего религиозно-гражданского законодательства. Отсюда вышел радикальный закон Временного правительства 14 июля 1917 г. о снятии всяких гражданских ограничений и преимуществ в связи с вероисповедным состоянием, т. е. закон о свободе перехода из одного исповедания в другое и о выходе из всякого исповедания, или о свободе веры и неверия, с узаконением впервые в России вневероисповедного гражданского

состояния. С другой стороны, отсюда же в начале июля 1917 г. вышел сравнительно консервативный законопроект, применявший уже указанный принцип **культурного сотрудничества** Государства и Церкви ко всей сфере вероисповедных отношений. Законопроект гласил:

1) «Каждая признанная государством церковь пользуется полной свободой и самостоятельностью во всех своих делах, управляясь по собственным своим нормам, без всякого прямого или косвенного воздействия или вмешательства государства. 2) Органы церкви находятся под надзором государственной власти лишь постольку, поскольку они осуществляют акты, соприкасающиеся с областью гражданских или государственных правоотношений, каковы: метризация, бракосочетание, развод и т. п. 3) По делам этого рода надзор государственной власти ограничивается исключительно закономерностью действий органов церкви. 4) Органом такого надзора является министерство исповеданий. Окончательное разрешение дел о незаконности действий церковных органов принадлежит правительствующему Сенату, как высшему органу административной юстиции. 5) Государство участвует ассигнованием средств на содержание церквей, их органов и установлений. Средства эти передаются прямо церкви. Отчет по израсходованию этих средств сообщается соответствующему государственному установлению».

Ясно отсюда, что Временное Правительство шло в Учредительное Собрание с системой не отделения, а сотрудничества Церкви и Государства.

IV.

В половине июля Временное правительство подверглось реконструкции. Оно полевело. Во главе его встал социалист А.Ф. Керенский, и из него должны были выйти члены партии «октябристов», в числе их и В.Н. Львов. На его место в состав правительства приглашен был пишущий эти строки по признаку принадлежности к партии ка-де. До сих пор беспартийный, я только что в июне месяце был, по настойчивой просьбе членов этой партии, записан в нее ради выборов в Учредительное Собрание, как специалист по церковным вопросам. Министерство наше составилось 25-го июля. Я вошел с проектом упразднения обер-прокуратуры Синода и создания общего Министерства Исповеданий. 12 дней я еще носил столь памятное в истории Русской Церкви имя обер-прокурора и, наконец, безболезненно похоронил его, превратившись в министра исповеданий. Положение об учреждении министерства исповеданий было вчерне спроектировано по моему заданию в Синоде опытными чиновниками П.В. Гурьевым и С.Г. Рункевичем, преимущественно последним. Но когда я его лично привез в Мариинский дворец, в нашу законодательную лабораторию, в так называемое «Юридическое совещание» при Временном правительстве, где сидели такие наши блистательные юристы, как В.Д. Набоков и барон Б.Э. Нольде, то проект принял следующий сжатый и дельный вид:

«Для заведывания делами всех вероисповеданий учреждается министерство исповеданий. 2) В это министерство передаются: а) дела, касающиеся ведомства православного исповедания, временно в том объеме, в каком они подлежат, по действующим законам, компетенции обер-прокурора св. Синода, и б) дела инославных и иноверных исповеданий, составляющие, по закону, предмет ведения министерства внутренних дел по департаменту духовных дел иностранных исповеданий. 3) Должности обер-прокурора св. Синода и товарища обер-прокурора упраздняются. В составе министерства учреждаются: министр исповеданий и два товарища министра. 5) Министр исповеданий в отношении дел, предусмотренных статьей 2-й, соединяет в своем лице временно всю полноту власти обер-прокурора и министра внутренних дел по принадлежности, *впредь до утверждения, в законодательном порядке, выработанных всероссийским поместным собором реформ* церковного управления и коренного пересмотра отношений русской государственной власти к исповеданиям при новом строе».

Помню, как в Малахитовом зале Зимнего Дворца, где происходили тогда заседания Правительства, числа 1 или 2 августа я поднес на подпись министру внутренних дел Н.Д. Авксентьеву бумагу о передаче из его ведомства «департамента духовных дел инославных исповеданий» в новое министерство исповеданий и как он охотно подписал ее, со словами: «Пожалуйста, берите, с полным удовольствием!»

В таком преображенном виде власть Временного правительства предстала пред великим и долгожданным событием в Русской Церкви – пред открывшимся в Москве 15 августа 1917 г. Всероссийским Собором. На торжественном богослужении в Успенском соборе присутствовали, кроме министра исповеданий, еще: министр внутренних дел Н.Д. Авксентьев и премьер-министр А.Ф. Керенский, который затем шел по Кремлю вслед за крестным ходом среди давки толпы, символизировавшей этим беспорядком полицейское безвластие Временного правительства. Все это было манифестацией благожелательности Временного правительства к Православной Церкви.

На первом парадном заседании Собора в обширном Храме Христа Спасителя от лица Правительства, в роли министра исповеданий, я принес нижеследующее приветствие-декларацию, в которой старался выяснить и принципиальную и деловую благожелательность новой власти к делам церкви, приглашаемой к законодательному творчеству и совместному с Временным Правительством преобразованию конституции России:

«Временное правительство поручило мне заявить освященному Собору, что оно гордо сознанием – видеть открытие Его церковного торжества под его сенью и защитой. То, чего *не могла дать* русской национальной церкви *власть старого порядка, с легкостью и радостью предоставляет новое правительство*, обязанное насадить и укрепить в России истинную свободу. Временное правительство видит в настоящем Соборе не обычный съезд частного сообщества, каких теперь несчетное число; оно видит в Соборе Русской Православной Церкви **полномочный орган церковного законодательства**, имеющий право авторитетного представления на уважение Временного правительства законопроектов о новом образе церковно-правительственных учреждений и о видоизменении отношений церкви к государству. Временное правительство сознает себя, впредь до выработки Учредительным Собранием новых основных законов, стоящим в *тесной близости к делам и интересам Православной Церкви*. В своем составе оно до сих пор имело обер-прокурора св. Синода Русской Православной Церкви (а не иных каких-либо исповеданий). И если недавно упразднена эта должность (но не упразднены до времени ее права и обязанности), то только потому, что, в виду Церковного Собора, правительство не желало, ради символики утверждаемой им свободы церкви, сохранять это имя, ставшее, по мнению церковного общества, синонимом тяжкой зависимости церкви от государства.

Временное правительство ждет той минуты, когда Собор представит ему новый план церковного управления, и тогда оно с готовностью упразднит в круге полномочий своего министра исповеданий его обер-прокурорские права и обязанности по делам внутреннего церковного управления, оставив за ним более внешний надзор за закономерностью. Ожидая от Собора законодательных предположений, касающихся преобразований церковного управления, Временное правительство полагает, что впредь до принятия им этих предположений все прежние правящие установления Русской Церкви, к учреждению коих государственная власть приложила печать своей санкции, остаются в полной силе их действия и не могут быть поколеблены без внесения в область управления церковно-государственных отношений беспорядка и анархии. Не желая этого ни Церкви, ни Государству и утверждая публично-правовые полномочия Собора, Временное Правительство 11-го сего августа приняло следующее постановление в двух пунктах: 1) Предоставить открывающемуся 15-го сего августа в Москве Поместному Собору Всероссийской Церкви выработать и внести на уважение Временного Правительства

законопроект о новом порядке свободного самоуправления Русской Церкви. 2) Сохранить впредь до принятия государственной властью нового устройства высшего церковного управления все дела внутреннего церковного управления в ведении Св. Правительствующего Синода и состоящих при нем установлений».

Через эту декларацию Временное Правительство вновь подчеркивало, что оно идет на суд Учредительного Собрания не только с идеей Кавура – *libera chiesa in stato libero*, но и с дополнением ее идеей культурного сотрудничества государства и церкви.

Тогда же от лица нового, выдвинутого революцией, муниципального управления Москвы выступал с приветствием Собору Городской Голова В.В. Руднев. Высказывая горячие пожелания успеха в предстоящем Собору деле устройства отныне свободной церкви, В.В. Руднев сказал, между прочим: «Источники религиозного одушевления вечны... и пока жив русский народ, жива будет в нем и вера православная». Целый фонтан озлобленных ругательств по адресу этого «социал-предателя» был извергнут на другой день московской большевистской газетой за столь «реакционное» слово на столь «реакционном» собрании.

Подземный вулкан большевистского варварства уже клокотал, готовый взорваться и похоронить под развалинами всеобщего разгрома все идеалистические планы Временного правительства и Церкви. 25 октября 1917 г. Временное правительство уже заключено было в казематы Петропавловской крепости, а Собор продолжал еще работать и закреплять новый строй Церкви до 8 сентября 1919 г. Но собор под властью большевиков потерял уже всякую почву для какого-либо законопроекта о взаимоотношениях церкви и государства. Наступил режим гонений, и нужно было думать только от случая к случаю о мерах защиты церкви.

Интересно было отношение патриарха Тихона к похороненному большевиками законопроекту. По освобождении из большевистской тюрьмы, я жил конспиративно в Москве летом 1918 года. Состоя избранным членом Высшего Церковного совета при патриархе, я одновременно работал в антибольшевистской политической организации так называемого «левого центра». Между прочим, мы разрабатывали программы и законопроекты для декларативного и делового употребления в Южной России, находившейся под управлением генерала Деникина, а также на случай появления национального правительства и в самой Москве. Программа положения православной церкви в русском государстве была по существу повторением уже изложенной выше системы взаимной свободы при взаимном сотрудничестве обеих сторон. Перед тайной отсылкой программы на юг России, мы с другим общественным деятелем, ныне еще живым, отправились к святейшему патриарху за советом и критикой. В начале сентября 1918 г. патриарх Тихон принял нас в своем Троицком подворье как всегда очень ласково, за стаканом чая и даже с самоварчиком. Дослушав до конца внимательно и грустно, он вдруг снисходительно засмеялся над нашими «хорошими словами», как мудрый старец смеется над идеализмом мечтательных юношей. «Хорошо! Уж очень все хорошо! Да только когда все это будет? Конечно, не теперь!» Как сын народа, патриарх Тихон тогда уже инстинктом чувствовал силу и длительность народного увлечения большевизмом, не верил в возможность скорой победы белого движения и не был согласен с нами в политических расчетах.

Действительно, история к нашему времени активировала этот план эпохи Временного правительства. Он был продиктован эволюционными взглядами на положение вещей. Мыслилась наличность исторической инерции, непоколебленность основ старого строя государства и церкви. Теперь от них не осталось камня на камне. Революция спалила последние остатки каких-то опор церкви в государстве. В гонениях и мученичестве от государства церковь приобрела полнейшую самоопору и свободу, которыми должна дорожить и обратно их не сдавать ни за какую чечевичную похлебку обманчивых привилегий. Сегодня государство – друг, а завтра – враг. При текучести и неустойчивости режимов для так трагически освободившейся церкви

наилучше блюсти свою свободу, независимость и соединенную с ними моральную силу **в отделении от государства** и не подвергать себя новому риску связи с неверным союзником.

Будущий режим свободной России для нас теперь – уравнение со многими неизвестными. Абстрактно мыслима, однако, и такая комбинация, когда вновь встал бы вопрос о некотором культурном сотрудничестве государства с церковью. Но форма и подход к нему были бы уже обратными эпохе Временного правительства: не от дурного союза – к благотельному разводу, а от принципиального и ценного разделения – к свободной кооперации двух независимых величин.

А. Карташев

И.А. Стратонов Русская церковная смута 1921–1931 гг.

Священной памяти в Бозе почившего великого господина и отца, святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России посвящает нижеследующие строки его духовный сын и послушник.

25. III. – 7.IV.1932.

I. Исходный момент церковной смуты (1921 г.)

«А наемник бежит, яко наемник есть, и нерадит о овцах» (Ин. 10, 13).

«Бывшим братьям нашим, ныне же не ведаем как и назвать вас, понеже в ум наш не вмещается сотворенная вами, ни слухи наши никогда же таковых не прияша, ни в летописях видехом, каковая невместимое человеческому уму содеяшаяся вами» (Из грамоты Св. Патриарха Гермогена)

Русская Церковь, несмотря на многосторонний рост в XVIII и XIX столетиях, обладала в это время целым рядом внутренних недостатков. К числу таких недостатков прежде всего должна быть отнесена утрата ею канонического возглавления. Как известно, Петровская реформа уничтожила в Русской Церкви патриаршую власть из боязни, что патриарх может явиться как бы «вторым государем, самодержцу равным и больше его». Таким образом, основным руководящим мотивом церковной реформы Петра Великого был мотив политический, не вытекавший из потребностей самой церковной организации. Петр Великий не был, однако, инициатором внесения политики в эту область. Инициатива в этом отношении принадлежала выдающемуся церковному деятелю XVII века патриарху Никону. Попытка патриарха Никона была еще хорошо памятна во времена Петра, так как имела место всего только при его отце. Патриарх Никон открыто претендовал не только на руководящую роль в государстве, но и на первенство церковной власти перед государевой, называя царскую власть луной, заимствующей свой свет от солнца – архиерейской власти. Известно, что эта точка зрения не получила опоры в церковно-правовом сознании восточных церквей. Однако нет никакого сомнения, что патриарх Никон поставил этот роковой, не столько церковный, сколько политический вопрос. Ни царь Алексей Михайлович, ни его ближайший преемник не имели возможности разрешить этот вопрос в сторону исключительного преобладания государственной власти над церковной. Когда же верховная власть окрепла, а носителем ее стал человек, знакомый с протестантскими взглядами на этот вопрос, он и разрубил этот гордиев узел внутренней политики Московского государства в интересах государственной власти.

Подводя все отрасли государственного управления под один «коллегиальный» фасад, Петр создал для управления церковными делами Духовный Коллегиум, или Синод. Это сразу устраняло вопрос о самостоятельном значении церковной власти. Синод с самого начала своего существования делается учреждением государственным «по делам духовным» и мечтает иметь в духовных делах такую власть, какую Сенат имел в мирских. Последующее время было свидетелем того, как Синод был сведен на положение второстепенного учреждения даже среди государственных установлений Империи: Синод получал указы из того же Сената, Верховного Тайного Совета и Кабинета Министров. Так, постановка патриархом Никоном политического вопроса, чуждого сознанию большинства русского общества, привела в конце концов к умалению самой духовной власти даже в делах церковных. Пройдя через ряд изменений, Синод, в конце концов, стал на степень учреждения духовного ведомства, которое находилось в заведывании обер-прокурора Синода, занявшего в государственном строе положение «главноуправляющего» этим ведомством. Все церковные учреждения, как-то: Духовно-учебное Управление, Хозяйственное Управление, Управление духовных дел греко-российского исповедания, равно Управление греко-униатских дел *были присоединены к канцелярии обер-прокурора, ставшей, таким образом, как бы главным управлением*. Сам обер-прокурор из органа государственного надзора за Синодом превратился в ответственного перед верховной властью руководителя этого ведомства. Этот факт находил себе до известной степени оправдание в том положении, какое государь занимал в Русской Церкви. Являясь, по закону, защитником и хранителем догматов, блюстителем правоверия и всякого порядка в церкви, он был

как бы главою церкви. Поэтому законодательная, административная и судебная власть в церкви принадлежали, по закону, государю. С его утверждения издавались законы, учреждения и положения, касавшиеся церкви, им назначались епископы, ему же принадлежал и окончательный суд над иерархами. Синод, т. е. его присутствие, не имел никакого самостоятельного значения еще и потому, что верховная власть назначала как постоянных членов Синода, так и вызывала их из епархий для временного присутствия. В это время, опираясь на положение обер-прокурора в составе высших должностных лиц империи, *Синод приобрел огромную принудительную власть не только над подчиненными ему учреждениями и лицами, но и над светскими учреждениями*, так как все решения Синода приводились в исполнение обер-прокурором. До превращения обер-прокурора в главноуправляющего, распоряжения Синода далеко не всегда принимались к исполнению учреждениями и лицами, стоящими гораздо ниже Синода на государственной лестнице. Благодаря этому *сама собой воспитывалась мысль о подчинении не церковной власти и ее духовному авторитету, а органу, приводившему в исполнение решения высшего церковного учреждения*.

В силу продолжительности действия такого порядка эта мысль укоренилась в сознании русского общества. Это обстоятельство не могло не иметь печальных последствий в то время, когда за церковной властью не стало уже более влиятельного представителя государственной власти. Опасности были двоякого рода. Опека государственной власти делала собственно церковную организацию мало приспособленной к житейской борьбе, атрофировала самостоятельность церковного общества; с другой стороны, недейственность морального авторитета церковной власти, при известных условиях, могла питать внутри церкви анархические настроения. Преодолеть этот коренной дефект было делом нелегким для церковного общества, особенно в то время, когда после революции церковно-правовые основания власти обер-прокурора в значительной степени ослабли. Правда, первый обер-прокурор временного правительства пробовал поддержать исторически сложившееся значение этого института, но беспочвенность этих усилий была сама собой очевидна. Ввиду всего этого необходимо было найти новый источник церковной власти. *Таким источником и стал Московский Поместный Собор 1917–1918 гг., восстановивший каноническое возглавление и создавший новые органы церковного управления*².

Восстановив патриаршую власть и создав Священный Синод и Высший Церковный Совет, Поместный Собор вдохнул и новые творческие силы в церковное общество и создал не только более соответствующую каноническим началам церковную власть, но и более *приспособленную для данного исторического момента*. В этом, безусловно, огромное значение деятельности Собора 1917–1918 гг.

Собор, между прочим, вручил высшим церковным учреждениям, то есть соединенному собранию Священного Синода и Высшего Церковного Совета, *не только судебно-административную власть, но и предоставил им некоторые законодательные функции*, хотя бы в форме разрешения вопросов, порожденных неполнотой церковного законодательства. Таким образом, в случае перерыва деятельности Собора или невозможности созыва нового, неотложные нужды церкви могли быть разрешены совместно высшими церковными установлениями.

Последующие обстоятельства выдвинули вопрос о еще большем сужении церковно-правительственного круга. И тогда особым постановлением высших церковных учреждений в ноябре 1920 г. было предписано местным церковным властям: «В случае, если Священный Синод и Высший Церковный Совет по каким-либо причинам прекратят свою церковно-административную деятельность, епархиальные архиереи за руководящими по службе указаниями и за разрешением дел, по правилам, восходящим к высшему церковному управлению, обра-

² Постановления Московского Поместного Собора 1917–1918 гг., касающиеся организации высшего церковного управления, были напечатаны в Москве в 1918 г. Затем перепечатаны в органе Карловацкого Церковного Управления – «Церковных Ведомостях» (в дальнейшем – Ц.В.) за 1922 г. № 1, 2. Кроме того, переизданы отдельно в Варшаве «Веком Культуры» тоже в 1922 г. под заглавием «Положение о высшем и епархиальном управлении Православной Церкви».

щаются непосредственно к Святейшему Патриарху или тому лицу или учреждению, которое будет Святейшим Патриархом для этого указано». *Концентрация власти в руках Святейшего Патриарха в переживаемый момент церковной жизни оказалась необыкновенно целесообразной, придав всей организации известное единство.*

1.

Поместный Московский Собор дал Русской Церкви каноническое возглавление, создал скелет церковно-правительственного аппарата. Наполнить содержанием этот остов, приспособить его к потребностям церковной жизни, а саму церковную жизнь ввести в эти формы было делом нелегким, которое требовало продолжительной повседневной работы. На этом пути перед церковной властью стоял целый ряд препятствий: 1) Русская Церковь в лице своих руководителей не была подготовлена к самостоятельному существованию или, вернее, за два предшествующих столетия отвыкла от всякой самодеятельности; 2) падение власти обер-прокурора и умаление за два столетия авторитета церковной власти способны были питать внутри самой церковной организации анархические стремления; 3) перерождение церковной организации и сознание церковного общества совпали с великими потрясениями в сфере социально-политических отношений, что не могло не отразиться и на самой церкви. Я бы сказал, что вновь избранному Патриарху и созданным органам церковного управления предстояла более сложная и трудная работа, чем самому Поместному Собору, создавшему новый строй Русской Церкви. Исключительная личность первого, по восстановлении, Патриарха поставила церковную власть на необыкновенную высоту в сознании церковного общества. Благодаря этому очень скоро произошла замена внешне принудительной обер-прокурорской власти высшим авторитетом носителя самой церковной власти. Не имея возможности вдаваться в сколько-нибудь подробное изложение этого процесса, я не могу не упомянуть о его результатах, *свидетельствовавших о колоссальном росте церковного сознания русского общества в ближайшие годы после прекращения деятельности Поместного Собора.*

Русское общество в 1918, 1919 и 1920 гг. представляло собой взбаламученное море. Волны этого моря с разных сторон плескали на корабль Русской Церкви, но он оказался достаточно сильным, чтобы преодолеть натиск разбушевавшейся стихии, в значительной степени благодаря реорганизации церковного управления и мудрому руководству со стороны носителя церковной власти. Новые условия церковной и государственно-общественной жизни поставили новые задачи перед церковной властью и церковным обществом. Даже иерархи не сразу смогли понять эти новые условия. Высшая церковная власть в этом отношении достигла поразительно быстрых результатов, стараясь внушить и иерархам свои достижения. Клирики восстали на своих архипастырей. Общая расхлябанность достигла в первое время того, что псаломщики в некоторых епархиях потребовали себе прав, прежде всего суда равных, т. е. представителей «их сословия». Это вызвало необходимость вмешательства со стороны высших церковных органов для поддержания авторитета иерархов на местах. Бесчисленные конфликты между священнослужителями и прихожанами ставили невероятно трудные задачи для местной церковной власти. В этих взаимных столкновениях клира и мирян все были виноваты: священнослужители не хотели лишиться своего прежнего исключительного положения в приходе, прихожане были слишком склонны расширять свои права в управлении приходами. *Разумная и благожелательная церковная власть и в этом отношении преодолела все трудности и к 1920 году в центре и на местах в церковных организациях водворился порядок и даже получилась какая-то внутренняя спайка.*

Церковь за эти годы понесла персонально в силу общих политических условий тягчайшие жертвы, но церковная организация, как таковая, без сомнения, окрепла. Св. Патриарх Тихон в 1919 году обратился к церковному обществу с призывом о невнесении политики в церковь.

Церковная власть поняла, что вне этого условия бесплодными будут все организационные усилия, да и само течение церковной жизни будет находиться под постоянным ударом. Имевшие место до этого политические выступления церковных деятелей с этого момента совершенно прекращаются. Это требование Патриарха с замечательной последовательностью было выполнено всем церковным обществом. Иерархия и клир вообще отошли от политики, отдав все силы церковному служению, которое в это время требовало крайнего напряжения. Миряне как-то добровольно размежевались без всякого сговора: политики отошли от церковно-общественной работы, церковники перестали быть активными в политике. Разойдясь в общественном делании, те и другие продолжали быть более преданными церкви, чем раньше, и сохранять между собой самые искренние и добрые отношения.

Многие из заключенных епископов в 1920 году вернулись в свои епархии. Местная церковная жизнь стала устраиваться. Рос и креп авторитет церковной власти; установленные Поместным Собором органы, как центральные, так и местные, начали действовать вполне нормально, и между ними установились известные взаимоотношения, предусмотренные последним церковным законодательством.

Нельзя не отметить и общерелигиозного подъема в массах. Храмы наполнились молящимися, при этом среди молящихся не было того преобладания женского пола, которое замечалось до революции. Исповедь получила особое значение, стала развиваться и эпитимийная практика. Сами верующие требовали этого и с замечательным послушанием выполняли все, чему их подвергали их духовные руководители. Церковные праздники привлекали колоссальное количество народа. Церковная жизнь к 1920 году восстановилась полностью, а может быть даже превзошла старую, дореволюционную. Вне всякого сомнения, что внутренний рост церковного самосознания верующего русского общества достиг такой высоты, равной которой не было за последние два столетия в русской церковной жизни. *Церковная власть в церковном обществе, которое в значительной степени она воспитала, встала на недостижимую высоту.* Если Собор 1917–1918 гг. дал форму и внешность новой церковной организации, то внутреннее содержание было создано дружными усилиями Патриарха, высших церковных органов, иерархов и всего русского церковного общества.

Небо и в это время, однако, не было безоблачным, но раскаты грома слышались где-то вдали и сзади, и казалось, что наступило время в церковной жизни, когда при едином пастыре создалось и единство стада. В конце 1921 года удар по Русской Церкви неожиданно был нанесен с другой стороны, чем с какой его привыкли ожидать. Поэтому он на первых порах вызвал известную растерянность, но сомнений в последствиях этого удара не было ни у кого из лиц, стоявших в то время хоть сколько-нибудь в курсе церковных событий.

2.

В 1918–1919 гг. в России кипела жестокая междоусобная война. Страна была разделена фронтами на несколько частей. В двух из них, на юге России и в Сибири, были попытки организовать высшие, чем епархиальные, церковные органы для согласования управления несколькими епархиями, оказавшимися недостижимыми непосредственному управлению Святейшего Патриарха. Сибирское Управление более или менее безболезненно прекратило свое существование. Временное Церковное Управление, возникшее на юге России, оказалось трагическим в судьбах самой Русской Православной Церкви. Возникло это управление в городе Ставрополе-Кавказском, в мае 1919 года. Вначале в ведении этого управления оказалось значительное количество епархий. Но к концу первой четверти 1920 года в руках белых остался только Крымский полуостров, который в иерархическом отношении был подчинен местному епархиальному епископу, возглавившему, в силу своего канонического положения, и Крымское Церковное Управление. В этом случае организация Крымского Управления совпала с теми

указаниями, которые были даны высшей церковной властью в ноябрьском указе 1920 года. С уходом белых из Крыма члены управления, за исключением местного епархиального архиерея, эвакуировались в Константинополь. Еще в период деятельности Ставропольского Управления «жизнь понемногу, как говорит автор Записки Подготовительной Комиссии, вовлекла Управление в сотрудничество с русскими людьми, боровшимися с советской властью». Ввиду этого с сокращением территории, занятой белыми армиями, многие из епархий оказались вне сферы влияния Южного Управления и своих епархиальных архиереев, покинувших пределы своих церковных областей. В это самое время эти епархии вошли в сферу управления Св. Патриарха, и тогда уже совершенно стало очевидным, какой громадный вред был нанесен этим епархиям отходом их архипастырей, не решившихся разделить общей участи со своими паствами.

Органы высшей церковной власти еще гораздо раньше отхода белых армий предвидели весь вред вовлечения церковных учреждений в политическую борьбу. Мудрая предусмотрительность Св. Патриарха Тихона еще в 1918 году заставила его проводить в жизнь ту точку зрения, что участие церкви в политической борьбе вредно для нее. Когда целый ряд епархий оказался под управлением Патриарха, но без епископов, с епархиальными органами, находившимися в совершенно хаотическом состоянии, тогда Св. Патриарх в сентябре 1919 года обратился с известным посланием, призывая пастырей и паству воздержаться от внесения политики в Церковь. Нужно, однако, сказать, что удар, нанесенный целому ряду епархий, был, в конце концов, изжит, за исключением разве только Киевской епархии, где возник вскоре раскол «самосвятов». *Пока политические выступления представителей церкви наносили ей ущерб только на местах, дело оказывалось хотя и небезболезненным, но все же поправимым.*

После эвакуации Крыма в Константинополе оказались четверо епископов из числа членов Ставропольского и Крымского Церковных Управлений. Двое членов Крымского Управления, мирянин и клирик, не задерживаясь в Константинополе, проследовали дальше. Четверо епископов кооптировали еще одного епископа и, таким образом, создали в Константинополе епископский Синод. Вскоре, однако, двое епископов также покинули Константинополь. Здесь было выработано «Положение о Высшем Русском Церковном Управлении за границей». Выработанное положение было представлено во Вселенскую Патриархию и было ею утверждено с некоторым изменением. Высшее Церковное Управление в Константинополе возникло вне зависимости от предшествовавших ему церковных управлений Юга России; по крайней мере, никаким актом эта преемственность не была засвидетельствована. Обстоятельства возникновения Управления в Константинополе заставляют считать его вновь возникшим и на иных основаниях. Поэтому утверждения автора предисловия к «Деяниям Карловацкого Собора 1921 года»³ едва ли правильны, что заграничное Церковное Управление является правопреемником Церковного Управления, возникшего на Юго-Востоке России. Не вполне точным, на наш взгляд, является и другое его утверждение, что это управление признано Московским Патриархом. Ссылка на патриарший указ от 8 апреля 1921 г. № 424⁴ мало доказательна: означенный указ Св. Патриарха Тихона касался частного вопроса об утверждении арх. Евлогия управляющим приходами в Западной Европе. Само постановление Церковного Управления об этом состоялось еще тогда, когда Управление находилось в России. Патриарший же указ был вызван запросом Финляндского арх. Серафима, сделанным им по поводу сомнений протоиерея Якова Смирнова относительно назначения арх. Евлогия. Дело в том, что Высшее Церковное Управление Юга России не имело никакого отношения к русским западноевропейским церквям, так как эти церкви состояли в каноническом подчинении Петроградскому Митрополиту, который сам не имел никакого отношения к Высшему Церковному Управлению Юга России

³ Имеется официальное издание как протоколов самого собрания, так и ряда приложений, имеющих отношение к деятельности собрания. Издание носит название: Деяния Русского Всезаграничного Собора. Ср. Карловцы, 1922.

⁴ Указы Св. Патриарха Тихона и высших органов Русской Церкви, касающиеся заграничных церковных дел, напечатаны в Ц.В. за 1922 г. и вошли в специальный сборник под названием: Указы Св. Патриарха Тихона. Лондон, 1927 г.

и не передавал власти над этими церквями. Поэтому совершенно естественны были сомнения о. протоиерея Смирнова. По-видимому, эти сомнения разделял тогда и арх. Серафим, который и решился обратиться по этому поводу к Св. Патриарху. Во избежание возможной церковной смуты или замешательства, а также ввиду затруднительности для Петроградского Митрополита управлять этими церквями при создавшихся условиях, Всероссийские церковные органы согласились на такую меру, как временную. Таким образом, митр. Евлогий, тогда еще архиепископ, получил в управление эти церкви от Всероссийской церковной власти, хотя сам вопрос о подчинении ему этих церквей был поставлен Церковным Управлением Юга России. Все это показывает, что как преемственность Заграничного Церковного Управления от церковных управлений юга, так и признание его со стороны св. Патриарха Тихона являются далеко не безусловными. По крайней мере, св. Патриарх в своем послании 1923 года открыто заявил, что Заграничное Церковное Управление возникло помимо него, лишь с благословения Константинопольского Патриарха.

Недостаточность церковно-правовых полномочий и сомнительность преемственности его от церковных управлений юга России на первых же порах заставили церковных деятелей в Константинополе обратиться за поддержкой во Вселенскую Патриархию. Местоблюститель Патриаршего Константинопольского Престола 2 декабря 1920 г. ответил на имя Митрополита Антония, «что в целях управления множества и в целях более действительного предохранения и укрепления их Ваше Высокопреосвященство и прочие архиереи составили бы, под высшим покровительством Патриархии, Временное Церковное Управление, обязанное наблюдать и руководить церковной жизнью как находящихся за границей в неправославных странах русских общин, так и русских воинов и беженцев, пребывающих в странах православных». При этом само положение о Церковном Управлении было признано патриархией с ограничениями. Ограничение это состояло в том, что церковно-судебные вопросы были изъяты из ведения Заграничного Церковного Управления и сохранены за патриархией. Итак, Константинопольская Патриархия дала согласие на деятельность не существовавшему органу, а вновь возникшему, а в выработанном статуте сделала изменения. Отсюда ясно, что патриархия смотрела на возникшее в Константинополе Церковное Управление как на зависимое от нее учреждение, что и выражено в словах: «под высшим покровительством Патриархии». Канонически эта точка зрения патриархии опиралась на известное понимание ею правила 28 IV Вселенского Собора, якобы предоставляющего Константинопольскому Патриарху юрисдикцию над православными во всех варварских странах. Русские епископы, обратившиеся с таким ходатайством к Константинопольской патриархии и признавшие соответствующий акт, естественно, как бы соглашались с таким пониманием указанного канона. Однако с таким пониманием дела не могла согласиться Всероссийская церковная власть, которая в течение столетия имела свои учреждения в Западной Европе, Америке, Азии. В начале 1921 года Всероссийская церковная власть заявила себя компетентной в делах русских общин за границей и издала указ, которым предписывалось считать православные русские церкви в Западной Европе находящимися в управлении арх. Евлогия, и в последующем продолжала считать его и русские западно-европейские церкви находящимися в подчинении Русскому Патриаршему Престолу, а не Константинопольскому. Впрочем, вскоре отошло от первоначальной точки зрения и Заграничное Церковное Управление, а именно с того момента, когда перебралось из Константинополя в Сербию. Во всяком случае, вначале оно искало какого-то учредительного акта от Вселенской Патриархии и получило его. Стеснительной зависимостью от Константинопольской патриархии, по-видимому, объясняются поиски нового места для пребывания Заграничного Церковного Управления. Итак, отправным пунктом деятельности Заграничного Церковного Управления следует считать акт константинопольской патриархии от 2 декабря 1920 г., а не преемственность его от церковных управлений Юга России, которая, с правовой точки зрения, вызывает большие сомнения. Признание Заграничного Церковного Управления со стороны Св. Патриарха Тихона было весьма

условным. Последующие события показали, что Карловацкие деятели готовы зачислять в свой актив решительно все, что в какой-либо степени можно истолковать в смысле признания Заграничного Управления. Когда же последовал определенный указ о закрытии этого управления, тогда к велениям церковной власти они оказались недостаточно восприимчивыми.

Независимо от вопроса о преемственности власти, соорганизовавшееся Церковное Управление могло получить если не правовое, то большое практическое значение, основываясь не столько на формальном, сколько на моральном моменте. Западная Европа была наводнена беженцами из России, православными по вере, нуждавшимися в духовном руководстве. Первые шаги этого Управления как будто давали надежду, что оно сумеет сделать нечто для удовлетворения духовных нужд беженства. Этим самым было бы оправдано и само существование Управления. Под влиянием обращения со стороны верующих создается целый план объединения, урегулирования и оживления церковной жизни. Для предварительной разработки этих вопросов организуются две комиссии: Подготовительная и Просветительная. Первая должна заняться более общими вопросами, касающимися созыва общецерковного собрания, а вторая – вопросами, относящимися к области церковного просвещения. Было решено собрать сначала местные церковные собрания в Константинополе и других местах, с тем чтобы потом организовать уже общецерковное собрание. Все эти собрания должны состоять из епископов, клириков и мирян. Начало было положено правильное, но в это церковное русло скоро вторгнулись иные тенденции, и источник церковной работы замутился и вместо чистого принял вид грязного, взбаламученного безответственным политиканством. Местом деятельности общецерковного собрания стал город Сремские Карловцы в Сербии, а не Константинополь. Поэтому авторы докладной записки Подготовительной комиссии замечают: «Ин есть сеяй, и ин жняй»⁵.

Нужно сказать, что те иные, которые приступили к жатве уже отчасти повеянного в Константинополе, успели и сами нечто всеять, и потому пожали, кажется, в большом изобилии плевелы.

Мы уже говорили, что, оставаясь в Константинополе, Заграничное Церковное Управление, может быть не совсем добровольно находилось во власти Вселенской патриархии. Переехав в Сербию, оно приобрело большую самостоятельность, так как уже не искало от местной церковной власти никакого учредительного акта, испросив лишь благословение на пребывание в Сербии и на продолжение деятельности уже существовавшего учреждения. Это в значительной степени развязало руки деятелям Заграничного Церковного Управления.

Общецерковное заграничное собрание было открыто 20 ноября (н. ст.) 1921 г. митр. Антонием, как председателем Заграничного Церковного Управления. Он же председательствовал и на самом церковном собрании. Одним из основных вопросов, касающихся всякого собрания, является вопрос о его составе. В этом отношении прежде всего нужно отметить отсутствие единого принципа пополнения этого Собрания. Здесь мы встречаем лиц, участвовавших «по положению», «по выбору», основанному на разных принципах и просто «по приглашению». Члены Собрания, независимо от способа проникновения на собрание, имели право решающего голоса. Это обстоятельство существенно ослабляло значение решений, принятых большинством голосов такого собрания, где выбор и подбор имели почти одинаковое значение при формировании его.

Мы не имеем возможности проследить всю деятельность Карловацкого Собрания, да едва ли это нужно, так как результаты его остались мало действенными. Организация церковного управления, созданная этим Собранием, оказалась нежизнеспособной: полностью никогда не была осуществлена и отмерла, отчасти по велению высшей Всероссийской церковной власти, не просуществовав и одного года. Независимо от роспуска, органы заграничного цер-

⁵ Весьма ценные данные находятся в небольшой брошюре: Материалы Подготовительной Комиссии. Вып. 1. Град равноапостольного Константина. 1921.

ковного управления были совершенно непригодны к условиям беженской действительности. *Они были просто скопированы с центральных учреждений и не были под силу создавшему их церковному обществу.* В период Ставропольского Церковного Управления, объединившего значительное число епархий, церковные органы были более простыми по своему составу, чем Заграничное Церковное Управление. В таких громоздких учреждениях не было и нужды, а материально они совершенно не были по силам беженским церковным общинам, которые прислали своих представителей на организационное собрание. Нежизненность, а отсюда и недейственность и жизненная незначимость всей положительной работы этого собрания была очевидна сама по себе. Нужно сказать, что немного требовалось и усилий, чтобы создать этот сколок со Всероссийского церковного управления. И все это делалось якобы в соответствии с постановлениями Всероссийского Поместного Собора, который, конечно, не мог предусмотреть подобного рода учреждений. Ясно, что это было простым подражанием, а не исполнением соборных постановлений. Действительные потребности сосредоточившегося в Западной Европе беженства вполне могли быть удовлетворены церковной организацией, соответствующей епархиальным организациям. Наличие в беженстве значительного числа епископов не могла сама по себе служить основанием для организации соответствующего числа церковных управлений, подобных епархиальным. Это было просто невозможно. Средний путь, который выбрало Заграничное Церковное Управление, организовав каких-то пять округов для управления беженскими общинами: Сербии, Греции, Константинополя, Болгарии и, наконец, других стран Западной Европы, был решением половинчатым, так как не устраивал всех епископов-беженцев, а церковные возможности и потребности беженства значительно превышал. Если до войны всеми русскими западноевропейскими церквями, в том числе и балканскими, управлял один викарий, или даже просто Петроградская епархия, то даже при наплыве беженцев вполне достаточно было создать одно управление вроде епархиального. Епископы, не занявшие церковно-правительственного положения, легко могли быть устроены в отдельных приходах. Вообще же приспособлять управление к лицам, претендующим на руководящую роль, едва ли было делом, с церковной и всякой деловой точки зрения, стоящим. Несколько епископских округов были нужны только для того, чтобы оправдать существование самого Заграничного Церковного Управления. В многосложности органов церковного управления, созданных Карловацким Собранием, и заключался недостаток его организационной работы. В лучшем случае все эти учреждения были лишены действительной повседневной работы и фактически церковно распыляли само беженство. Этого распыления не могло предотвратить Заграничное Церковное Управление. Действительность же была еще более суровой, чем можно было этого ожидать. *Зачатки этой печальной действительности уже заключались в деятельности самого Карловацкого Собрания.*

При самом открытии собрания оказалась довольно компактная группа, которая решила испробовать свои силы на одном частном случае. В качестве действительного члена, как член Всероссийского Церковного Собора, на собрание прибыл М.В. Родзянко. На первом же заседании, 22 ноября, открытом митр. Антонием, после пения молитвы «Днесь Благодать Святого Духа нас собра», тотчас за всякого рода приветствиями и оглашением списков членов собрания, А.Ф. Трепов сделал возражение против внесения в список членов церковного собрания М.В. Родзянко. На это ничего другого не нашелся ответить председатель собрания, как указать, что это заявление несвоевременно, предполагая, очевидно, что принципиально оно возможно. В заседании 23 ноября, т. е. на следующий день, председатель огласил заявление М.В. Родзянко, что он «ввиду нарастающего недовольства среди членов церковного собрания его присутствием среди них, из глубокого уважения к Владыке председателю и святости церковного собрания отказывается от присутствия в церковном собрании и выбывает из числа членов его». Еп. Вениамин, по-видимому, возмущенный этим фактом, заявил, что он желает сделать сообщение в связи с заявлением М.В. Родзянко. Тотчас поднялся граф Апраксин и заявил,

что, в таком случае, и он оставляет за собой право слова. Ясно, что это могло закончиться, на самых же первых порах деятельности собрания, скандалом. Также нет никакого сомнения в том, что *нарастающее возбуждение среди членов группы Трепова и Апраксина исходило не из церковных настроений, а политических тенденций, которые стали, таким образом, движущей силой собрания с первого момента его открытия*. Независимо от оценки роли М.В. Родзянко в событиях русской революции, едва ли эта оценка в какой-либо степени могла повлиять на такое выступление со стороны названных лиц. Нельзя упускать из виду и того, что М.В. Родзянко был выбран в члены Поместного Собора после революции и участвовал в его деятельности. После этого политически М.В. Родзянко нигде не выступал. Маневр был необходим для пробы, а М.В. Родзянко стал лишь жертвой этого маневра. Нужно признать, что маневр удался при попустительстве председательствующего, не нашедшего в себе достаточно силы для ограждения достоинства самого собрания. *Тактически группа выиграла, но морально собрание и группа сильно проиграли от этого инцидента и уже, конечно, не «Благодать Святого Духа» подвинула группу на подобное выступление; но это было только пробой*.

Настоящее моральное насилие над членами собрания было произведено в одном из отделов и на общем заседании 30 ноября, когда собрание окончательно было увлечено на путь политиканства. Этот путь, всегда недопустимый для церковного собрания, при данных условиях, когда большинство церковного общества и сама церковная власть не только не присутствовала на этом собрании, но даже не знали о нем, становился преступным. *Незначительное и притом безответственное меньшинство решилось принять политическую резолюцию, которая, очевидно, не могла пройти безболезненно как для Всероссийской церковной власти, так и вообще для всей церкви в России*.

Прежде чем перейти к существу этого вопроса, я должен вернуться несколько назад. Мне кажется уместным сейчас вспомнить, как сами инициаторы церковного собрания представляли себе задачу его. В указе Заграничного Церковного Управления на имя Севастопольского епископа Вениамина совершенно определенно говорится, что собрание это созывается для объединения, урегулирования и оживления церковной деятельности. Авторы записки Подготовительной комиссии видят задачи момента в создании церковной организации для беженцев. Правда, их творческий порыв превосходил тогда уже их церковно-правовое положение: они говорили даже о возможности появления новых канонов в связи с беженством. Основными вопросами, подлежащими решению церковного собрания, должны быть, по мнению комиссии, просветительный, благотворительный, заботы о монашестве и, наконец, о строении русской души наподобие того, как строится душа русского народа на родине, чтобы не отстать от остального русского церковного общества, и все это должно разрешить церковное собрание, по условиям реальной действительности собираемое всего на несколько дней. Нужно ли говорить о беспредельности и непосильности этих задач для работы собрания. Однако следует отдать должное Подготовительной комиссии, что она в своих предположениях оставалась все же в сфере беженской среды. Положение о созыве заграничного собрания российских церквей было утверждено Заграничным Церковным Управлением 25 июля 1921 г., когда оно находилось уже в Сербии. В этом «Положении» цели собрания определяются еще в духе Подготовительной комиссии. Положение определенно подчеркивает, что собрание признает над собой полную во всех отношениях архиерейскую власть Патриарха Московского, а в четвертом пункте этого Положения говорится, что все постановления собрания поступают на утверждение Патриарха и только в нужных случаях приводятся в исполнение до утверждения, как временная мера. Казалось, все обстоит благополучно, но это было в самом начале работ Заграничного Церковного Управления после его переезда в Карловцы. Чем ближе ко времени собрания, тем все более и более появлялись зловещие признаки. Наказ для собрания был выработан значительно позднее, и организаторы собрания в нем заявили гораздо большие претензии, чем то было предусмотрено самим положением. *В пункте 7 этого наказа говорится об организации особого седь-*

мого отдела собрания, который должен заняться вопросом о духовном возрождении России. (Наказ утвержден заграничным церковным собранием 29 ноября 1921 г.) Авторы записки Подготовительной комиссии свидетельствовали о развитии церковной и вообще духовной жизни в России на началах истинной соборности, а Заграничное Церковное Управление в Карловцах собиралось духовно возродить Россию. Как бы ни была тяжела жизнь в России в это время, там осталась подавляющая часть церковного общества и подлинная высшая церковная власть. На скорбном пути труда и подвига, которым жила церковь внутри России, она возрождалась сама темпом, совершенно недоступным церковно прозябавшему в это время беженству. Царствие Божие нудится, по слову Св. Писания, и в России оно, действительно, нудилось, и «нужницы» восхищали его в большей степени, чем беженцы. Люди, не испытывавшие скорбного пути, не могут даже и понять ту очистительную силу, которую имеет страдание. Духовное возрождение нужно для всех, а в это время оно в большей степени было нужно для беженства. Духовное возрождение даже беженства не создашь на церковном собрании: для этого нужны внутренние силы с повседневным действием и глубокое духовное устремление, которое также не приходит со стороны. Если духовное возрождение беженства не могло быть делом, доступным для собрания, то духовное возрождение России – задача совершенно утопическая для него. Что может быть более гибельным, если слепой повезет прозревшего. Этого в действительности и быть не может, но такую нереальную задачу поставило для собрания Заграничное Церковное Управление, и тем с очевидностью показало, что время прозрения и для самого Управления еще не наступило. Как будто даже в общем ходе событий намечалось обратное движение. Не желание учиться, а претензии учить отдаляли духовных руководителей беженства этого времени от их собственного возрождения. Этим учительством и желанием говорить от лица Русской Церкви в собрание были брошены семена внутреннего разложения, но вполне пагубные следствия такой эволюции выяснились тогда, когда вместе с этими семенами гордыни были обильно посеяны и плевелы политиканства.

Обратимся теперь к изложению того, как обсуждался на церковном собрании вопрос о духовном возрождении России. Для предварительного обсуждения этого вопроса был создан особый отдел. Председателем этого отдела был избран архиеп. Анастасий. Работа отдела нам известна только из тех речей, которые были сказаны на общем собрании членами этого отдела. На собрании от отдела выступали: председатель архиеп. Анастасий, еп. Вениамин и Н.Е. Марков. Первый говорил об общем положении, создавшемся в отделе, последние были представителями двух точек зрения, примирить которые не удалось отделу. Из речей архиеп. Анастасия совершенно ясно, что линия разделения в отделе прошла по вопросу об уместности или неуместности принятия резолюций, в которых бы заключалась политическая тенденция. Архиеп. Анастасий образно это изобразил в виде борьбы, которая происходила в душе пастырей, полагавших, что «устроение града земного не должно мешать устроению града небесного». При этом архиеп. Анастасий свидетельствовал, что в самом начале вопрос о восстановлении монархии в России встал во всей остроте перед членами отдела. Сразу же некоторых, по преимуществу священнослужителей, этот вопрос напугал. Им казалось, говорит архиеп. Анастасий, что церковное собрание совсем не должно касаться этого предмета. Определенно было заявлено, что церковные соборы на Руси в прошлом не касались этих вопросов. Было указано также, что ответственность за подобные решения «в большей или меньшей степени ляжет на общего святейшего отца и духовного вождя, Патриарха Тихона». Архиеп. Анастасий отмечает и тот факт, что многие из возражавших против постановки такого вопроса принципиально были единодушны со сторонниками принятия подобной резолюции и возражали, лишь боясь поколебать авторитет церкви, около которой объединился сейчас русский народ. Итак, точка зрения противников внесения политических вопросов на обсуждение Церковного Собрания была достаточно определенно сформулирована, однако большинство оказало моральное давление на возражавших и добилось внесения в той или другой форме резолюции по этому вопросу.

Против такого морального насилия устоял только один из членов собрания – проф. А.Н. Яницкий, подавший мотивированный отказ от дальнейшего участия в работах собрания. Председатель собрания не нашел для себя обязательным даже огласить это заявление, просто сообщив о заявлении проф. А.Н. Яницкого, что он просит не считать его более членом Собрания. Остальные члены отдела, испытав на себе всю тяжесть давления организованного большинства, пошли на довольно скользкий путь компромисса, тем более ненужного, что в существе дела ничего реального в этом компромиссе и не было. Безупречная позиция невнесения политических вопросов на суждение церковного собрания была сдана. Дальнейшие дебаты об упоминании или неупоминании династии были вопросами, с принципиальной точки зрения безразличными. Предложенный отделом текст обращения к чадам, в рассеянии сущим, даже с упоминанием о восстановлении монархии, не удовлетворял политиканствующее большинство не потому, что он был недостаточно определенным, а потому, что этому большинству нужно было вне собрания поднять авторитет своей группы. Проект послания был принят большинством 58 голосов против 31. Таким образом, в отделе принимало участие 89 человек, т. е. весь наличный состав собрания. После обсуждения этого вопроса на общем собрании расхождение обнаружилось еще явственнее. Группа в 34 человека подала особую мотивированную записку и воздержалась от голосования. В состав этой группы вошли: 6 епископов, в том числе и сербский епископ Максимилиан, единственный из сербов, принимавший участие в работах собрания; 14 священников и 14 мирян. После этого послание было принято единогласно. Нельзя упустить из вида, что компромиссная точка зрения была выдвинута из желания сохранить единство собрания, и все же раскол произошел, напрасно представители меньшинства доказывали, что внесение политических вопросов вредно для самого собрания и для Русской Церкви в целом. Политиканствующая группа почувствовала силу, не нуждалась более в компромиссе и настояла на своей точке зрения. Только тогда, довольно поздно, меньшинство обратилось к средству, единственно доступному в подобных условиях. Элементы насилия были совершенно ясны. Решение вопроса о восстановлении монархии в России ни в какой степени не входило в задачи собрания, как они сформулированы в п.п. 1–3 Положения о самом собрании. Явившиеся на собрание менее всего были подготовлены к решению подобных вопросов. В общем собрании этот вопрос проходил так, что меньшинство (в 34 голоса), подав особое мнение, воздержалось от голосования. В поданном этой группой заявлении сказано, что оно воздерживается от голосования ввиду того, что «постановка вопроса о монархии с упоминанием при том и династии носит политический характер и обсуждению собрания не подлежит». Председатель собрания заявил, однако, что он считает этот вопрос церковным, так как он моральный. Послание было принято 51 голосом, в том числе за послание голосовали: 6 епископов, 7 священников и 38 мирян. Таким образом, голоса епископов разделились пополам, из священников за послание голосовала только одна треть, а две трети воздержались; из мирян воздержалось 14 человек и голосовало за послание 38, в том числе 14 человек, принимавших участие в соборе по приглашению. Ясно, что послание прошло голосами мирян. Церковное собрание раскололось. Настоявшее на своем большинство руководилось не церковными интересами беженства, в противном случае сохранение единства было дороже эфемерной победы в 17 голосов по столь кардинальному вопросу. В общем собрании при обсуждении этого вопроса участвовало всего 85 человек, тогда как в отделе принимало участие 89. При этом большинство в общем собрании потеряло 7 голосов, а меньшинство приобрело 3–4 голоса. Отсюда ясна тенденция сдвига в пользу аполитичности церковного собрания, созданного для объединения и урегулирования и оживления церковной деятельности. *На самом же деле это собрание разделило самих участников собрания, урегулировать ничего не смогло, так как в текущую церковную жизнь ничего не внесло; хотя само собрание и оживилось, но не на церковной работе, а политическими страстями, внесенными определенной группой.* Заметим, между прочим, что лица, создавшие и активно выступавшие в инциденте с г. Родзянко, все голосовали за послание.

Само место послания, возбудившее такое страстное к нему отношение, читается следующим образом: «Да вернет (Господь Бог) на Всероссийский престол Помазанника, сильного любовью народа, законного православного царя из Дома Романовых». По словам этого же самого послания на Руси остался один светоч: Церковь Православная. Это послание стало величайшим испытанием для этого светоча и оторвало от него часть членов, незначительную по сравнению с массой верных, но все же значительно большую, чем все беженцы вместе. *Таким образом, результаты деятельности церковного собрания, поскольку они выразились в принятии этого послания, были вредными для беженской церковной среды, а для матери-Церкви прямо стали трагическими.* Едва ли на протяжении всей церковной истории можно указать другое подобное злополучное явление.

Чего же собственно достигла политиканствующая группа? Достижения ее были, конечно, не церковными, а политическими, и даже не политическими, а узкопартийными. Опираясь на настроение усталых, отчаявшихся в исходе борьбы беженских масс, политиканствующая группа, до сих пор игравшая второстепенную роль в политических и вооруженных столкновениях, в момент, когда борьба казалась более или менее законченной, открыла новый фронт против советской власти – церковный, и этим привлекала к себе беженцев. Вновь открытый фронт был тем удобен для руководителей, что он не требовал никаких жертв с их стороны. Конечно, он не сулил и никаких успехов, кроме партийной выгоды, как ловкий ход внутри самого беженства. *О Русской Церкви в этот момент менее всего думали политиканствующие; оказалось, к сожалению, что также мало думали о Русской Церкви и руководители собрания из числа зарубежных иерархов.*

После этого большинство собрания стало действовать, как группа внутри самого собрания, и провело в Церковный Совет всех членов из своей среды. Это было занятием политиканствующей группой постоянных позиций в Заграничном Церковном Управлении.

Но этим еще не была исчерпана вся политиканствующая сторона деятельности собрания. *Церковное Собрание, подталкиваемое теми же лицами, незаметно, а отчасти и незаметно, шло к настоящему церковному перевороту.* В конце самих работ Собрания на заседании 1 декабря митр. Антоний, указав «в кратком слове на значение настоящего собрания, – как говорится в протоколе этого заседания, – предлагает, согласно данному уже Его Святейшеством, Святейшим Патриархом Сербским Димитрием, настоящему церковному собранию наименование и в виду ходатайства многих членов его, *именовать это собрание собором*». Предложение это было принято единогласно. Я нарочно привел эту выписку целиком, чтобы показать, как просто изложен, хотя в довольно запутанной форме, происшедший церковный переворот в протоколе самого собрания. Меньшинство, подавленное большинством, может быть, не подозревало, что принятие такой резолюции означало церковный переворот. Неудивительно, если Сербский Патриарх или другой кто-либо из сербов назвал это собрание собором, так как с их точки зрения всякое собрание, а особенно церковное, есть собор. Заграничное Церковное Управление дало настоящему церковному съезду название Церковного Собрания, желая, очевидно, подчеркнуть его церковную неполноправность и, во всяком случае, неравнозначимость с собором, как органом церковной власти (см.п. 3 Положения). Многие лица, добивавшиеся перемены названия, добивались этого не с целью простой перемены термина, что не имело никакого значения. *Наоборот, они считали, что наименование собором сразу выводило это собрание на большую дорогу церковной жизни.* Постановления же, получившие название соборных, приобретали иное значение, или вернее, *их можно было иначе трактовать.* Сами же послания от имени собора звучали более авторитетно, а послания эти, как мы видели, были приняты в духе определенной группы, ее политическими устремлениями были продиктованы. *Таким образом, церковный переворот, совершенный политиканствующей группой, имел целью возвысить значение принятых решений, а следовательно, еще больше укрепить позицию руководителей собрания.*

Но и этим не были исчерпаны все антицерковные выступления Карловацкого Собрания. Собрание поручило Заграничному Церковному Управлению выработать обращение к Генуэзской конференции о недопущении на эту конференцию представителей советской власти. Обращение было выработано и за подписью митр. Антония отправлено, куда следует. Как средство политической борьбы, оно было неуместным для Церкви, а «лучше, – говорится, между прочим, в этом обращении, – помогите честным русским гражданам. Дайте им оружие в руки, дайте им своих добровольцев и помогите изгнать большевиков». *Теперь хорошо известно, что это обращение не имело никаких реальных результатов в деле борьбы с советской властью, но для Русской Церкви, вместе с посланием, сыграло роль молота и наковальни.* Этим, можно сказать, исчерпывается деятельность Карловацкого собрания 1921 года, которое стало не только исходным моментом зарубежного церковного разделения, *но и перекинуло церковную смуту внутрь России.*

В записке Подготовительной комиссии были процитированы верные, без сомнения, соображения неизвестного нам профессора истории. Этот профессор считал невозможным политическое объединение русской эмиграции ввиду сильного расхождения отдельных политических группировок. Такое объединение, по его мнению, было возможно лишь около церкви, которая принципиально должна быть чужда политике. Цели политического руководства эмиграцией, как мы видели, были главными для руководителей церковного собрания; и что же вышло из этого? *Церковное собрание само было захвачено политическими вопросами и потому не могло объединить не только ближайших церковных работников, но и вообще эмиграцию.*

История, говорят, повторяется. Поэтому, вероятно, деятели Карловацкого собрания пытались искать в нашем прошлом прецедентов для оправдания своих политических выступлений. Архиеп. Анастасий прямо указал, что «в нас заговорили заветы древних строителей Русской земли, святителей Петра и Алексия и преподобного Сергия Радонежского; перед нами особенно ярко предстал образ адаманта православия, Святителя Гермогена, и побудил нас именно, как церковный орган, сказать свое слово о необходимости восстановления царской власти в России» (Деяния, стр. 121). Полномочный секретарь Карловацкого Церковного Управления Е.И. Махараблidge также поддержал эту историческую справку и писал во введении к деяниям Собора: «Здесь, в этом вопросе, на церковном собрании заговорил великий дух древних святителей и строителей Российского Государства» (Деяния, стр. 5). Нельзя сказать, чтобы параллели были скромными, особенно в том случае, когда они делались самими участниками этого собрания. Теперь, когда результаты деятельности Карловацкого собрания в достаточной степени выяснились, можно смело сказать, что они были совершенно противоположны тем, какие имела деятельность строителей Русского государства. Да и пути, которыми шли древние святители и Карловацкие деятели, были совершенно различны. *Строители Русского государства находились в среде своего народа, делили суровую действительность своего времени со своей паствой. Они прежде всего занимались внутренним строением Русского народа, вызывали к деятельности его созидательные силы и совсем не писали крикливых посланий*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.